

НАСЛЕДНИЦА
ЖУРАВЛЯ

ДЖОАН ХЭ

НАСЛЕДНИЦА
ЖУРАВЛЯ

Freedom

Москва

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х99

Joan He
DESCENDANT OF THE CRANE
© 2019 by Joan He
Published by arrangement with Folio Literary
Management, LLC.

Хэ, Джоан.
Х99 Наследница журавля / Джоан Хэ ; [пер. с англ.
А. С. Федотовой]. — Москва : Эксмо, 2019. —
544 с. — (Young Adult. Китайское магическое фэн-
тези).

ISBN 978-5-04-102807-7

Принцесса Поднебесной Хэсина всегда мечтала о жизни, в которой нет места дворцовым интригам и тяжелому бремени власти. Но однажды девушка находит бездыханное тело любимого отца, у губ которого клубится необычный золотистый дымок. Хэсина понимает — император был отравлен при помощи магии. Но ведь магия объявлена вне закона много веков назад.

Императорский двор полон заговорщиков и лгунов, жаждущих воспользоваться смертью правителя в своих корыстных целях. И Хэсина намерена найти среди них убийцу. Чтобы узнать правду, девушка решает на отчаянный шаг: обращается за помощью к предсказателю, встреча с которым карается смертью.

Когда будущее страны поставлено на карту, истина может стоить слишком дорого. И только настоящая мудрость, присущая наследнице трона, способна разрушить пути лжи, которые окутали ее империю.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Федотова А.С., перевод на русский язык, 2019
ISBN 978-5-04-102807-7 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Моим родителям.
Благодаря вашим жертвам
я обрела способность мечтать*

ИЗМЕНА

«Продуманный костюм подобен новой личности, — говорил отец, надевая мантию простого горожанина. — До момента возвращения я больше не король».

«Научи меня делать костюмы», — взмолилась дочь.

Он научил ее этому и многому другому. При свете свечей он поведал ей все известные ему способы выбраться из дворца, ибо король Вэнь любил правду, а ее едва ли можно было отыскать в парадных залах.

ОДИН

Что есть правда? Ученые мужи ее ищут. Поэты ее воспевают. Хорошие короли отдают золото, чтобы ее услышать. Но в тяжелые времена правда — это первое, чему мы изменяем.

ПЕРВЫЙ из ОДИННАДЦАТИ о правде

Правда? Это всего лишь переодетая ложь.

ВТОРОЙ из ОДИННАДЦАТИ о правде

Тому, кто решился на измену, было не найти ночи идеальнее этой. Траурные церемонии, длившиеся три дня, завершились, и почти все горожане разошлись по домам, чтобы поесть — впервые за это время. Некоторые остались, но их внимание было приковано к Восточным воротам, через которые должна была въехать королева, возвращаясь в город с ежегодным визитом.

По улицам пополз туман. Он стекал с Шаньлонских гор, находившихся неподалеку, и окутывал выложенные известняком бульвары. А когда он спустился во внутренний двор дворца, вслед за ним показались девушка и ее брат.

Они вышли из тайного прохода, который был хорошо известен девушке, — пожалуй, даже слишком хорошо, учитывая ее статус, — и торопливо заскользили между дворцовыми постройками и укреплениями по направлению к рыночным рядам. Когда они добрались до ветхой арки, которая вела в квартал красных фонарей, в животе девушки словно вспыхнул тлевший уголек. Эта часть столицы империи пользовалась дурной славой. Некоторые приходили сюда, чтобы купить тепло. А она?

Она пришла, чтобы купить правосудие.

Но прежде, чем она успела сделать шаг вперед, брат остановил ее.

— Миледи...

Она бросила на него раздраженный взгляд. О чем он думал, обращаясь к ней «миледи» в этом месте? Чего там, мог бы сразу назвать ее принцессой Хэсиной.

— Да, Цайянь?

— Еще не поздно вернуться.

Хэсина сжала в руке стеклянный пузырек, висящий на ее широком шелковом поясе. Да, они могли вернуться. Стоило ей позволить себе, и вся ее решимость поблекла бы, словно облачко яда, заключенное в пузырьке. Это было легко. Решить, как жить с этим дальше... гораздо сложнее.

Сдавлив пузырек еще сильнее, она повернулась к брату. Он казался на удивление спокойным, как будто ему не грозила смерть от тысячи порезов¹

---

¹ Имеется в виду линчи (с кит. буквально «смерть от тысячи порезов») — мучительный способ смертной казни путем отрезания от тела жертвы небольших фрагментов в течение длительного времени. Такая казнь применялась в Китае за государственную измену и отцеубийство вплоть до 1905 года.

за то, что он собирался совершить. Хотя его ханьфу¹ был неаккуратно пошит, он все равно выглядел безупречно. Каждый темный волосок в тугом пучке лежал на своем месте.

— Сомневаешься? — Она надеялась, что он ответит «да». Все-таки это был Янь Цайянь. В пятнадцать лет он сдал экзамены и поступил на государственную службу. В семнадцать стал виконтом императорского двора. К девятнадцати заслужил славу человека с безупречной репутацией и безупречным умом. Сейчас он впервые в жизни принимал неверное решение ради нее.

Он ответил вопросом на вопрос:

— Как бы вы отыскиали дорогу?

— Что, прости?

Цайянь поднял бровь.

— Вы надеетесь, что я скажу «да», потому что хотите продолжить путь в одиночестве. Но мы договаривались иначе: я поведу вас до конца или не поведу к этому человеку вообще.

Мы договаривались. Один Цайянь мог говорить об измене так скучно.

— Я не смогу защитить тебя. — Хэсина завела одну ногу за другую под подолом своего рюцюня². — Если нас схватят... Если кто-нибудь нас заметит...

Под отвесом черепичной крыши ветхого ресторанчика какой-то мужчина забасил оперную мелодию, потом послышался звон бьющегося фарфора. Но голос Цайяня все равно прорезал ночь.

— Вы не обязаны меня защищать, миледи. — Он смотрел куда-то вдаль, и его профиль резко

---

¹ Ханьфу — традиционный китайский костюм.

² Рюцюнь — один из старинных видов женского ханьфу, состоящий из блузки и юбки с запахом.

выделялся в свете красного фонаря. — Он был и моим отцом тоже.

В горле Хэсины стал ком. Она была обязана защищать его так же, как это делал ее отец — их отец. «Не в наших силах повлиять на жизнь каждого человека на земле, — сказал он ей десять лет назад. В тот зимний день он привел во дворец близнецов — худенькую девочку и болезненного мальчика, детей трущоб. — Но если мы способны поднять хоть кого-то своими двумя руками, этого достаточно».

Хэсина не помогала Цайяню подняться, она сбивала его с пути. Но когда он протянул ей руку, она, к своему изумлению, сжала его пальцы. Уверенность брата передалась ей, и они вошли под арку вместе.

Они попали в мир кособоких домишек: чайных и ресторанчиков, борделей и лавок ростовщиков, — которые жались друг к другу, словно трубочки во флейте Пана¹. Из дверных проемов, прикрытых бумажными шторами, вываливались полуодетые мужчины и женщины, покачивавшие определенными частями своих тел. Хэсина отвела взгляд и прижалась ближе к Цайяню.

— Мне лучше идти впереди. — Когда-то Цайянь называл домом улицы похуже этих и теперь прокладывал путь среди торговцев с поразительной легкостью. На встречавшихся им попрошаек он не обращал никакого внимания. Даже на того,

---

¹ Флейта Пана — многоствольная флейта, состоящая из соединенных вместе цилиндрических трубок разной длины. Флейта носит имя древнегреческого бога лесов и полей Пана, покровителя пастухов, его часто изображали играющим на многоствольной флейте.

что следовал за ними с тех пор, как они зашли в квартал.

— Берегитесь ночи! — кричал бедняк, потряхивая треножником Дин¹, в котором перекачивались монеты. Хэсина замедлила шаг, но Цайянь потянул ее вперед. — Берегитесь дождей, короны и дара предвидения!

— Не обращайтесь на него внимания. — Глаза Цайяня сосредоточенно блеснули. — Он говорит об ушедшей династии.

Но в ночь, подобную этой, прошлое казалось настолько близким, что становилось неудобно. Хэсина поехала, подумав о событиях, происшедших три сотни лет назад. Крестьяне тонули во время наводнений, а зимами погибали от голода. Былые императоры погрязли в любовных утехах, военных завоеваниях и поисках эликсира бессмертия в то время, как придворные пророки использовали дар предвидения, чтобы пресекать на корню любые попытки сопротивления. А больных и умирающих от голода людей, у которых не оставалось сил для борьбы, они утешали видениями о чудесных временах, которые вот-вот настанут.

И они настали — благодаря одиннадцати неустрашимым изгнанникам, которые перебрались через Нингские горы, прошли через дюны королевства Кендия, пробили брешь в городской стене и обезглавили последнего из былых императоров, прежде чем он успел подняться с трона. Они освободили рабов и отправили их строить плотины и дамбы. Бури прекратились. Реки вернулись

---

¹ Треножник Дин — древний китайский бронзовый котел, который использовали как для приготовления пищи, так и для ритуальных жертвоприношений духам предков.

в свои берега. Бывшие изгнанники дали женщинам и крестьянам право на образование, а последователи изложили их философию в книге, которую назвали «Постулатами». Одиннадцать героев — так именовали их люди страны Янь. Легендарные спасители.

— Берегитесь дьявола лжи.

Но чтобы родились герои, непременно нужны были злодеи. Ими стали приверженцы императора: пророки. Одиннадцать героев узнавали их по крови: она испарялась быстрее человеческой и горела голубым пламенем. Спасители сжигали их на кострах десятками тысяч, чтобы защитить страну, вступившую в новую эпоху, от обмана и интриг.

Но какой бы ни была цель, убийство оставалось убийством, а мертвецы — мертвецами. Хэсина не понимала, почему люди продолжали ненавидеть пророков. Но порой — как, например, сейчас, под зловещие выкрики нищего — жалость, которую она испытывала к ним, превращалась в страх. Он тут же начинал множиться, подобно термитам, и вгрызался в ее представление о провидце, пока оно не рушилось, а его место не занимал новый образ: безликая голова на обугленном теле, безглазый, беззубый монстр прямиком из Десяти судилищ ада¹.

Когда Хэсине удалось усилием воли выбросить эту картинку из головы, нищего позади них уже не было. Но его место занял кто-то другой, и снова

---

¹ Имеются в виду уровни Диюя — царства мертвых или преисподней в китайской мифологии. Диюй, как правило, изображается подземным лабиринтом с различными уровнями и камерами, в которых заключены души людей после их смерти для искупления грехов. В одной из интерпретаций таких уровней десять — «Десять судилищ ада».

послышались причитания — только теперь их прозносил до боли знакомый девичий голосок.

— Берегитесь тех, кого оставили дома.

Только не это.

Хэсина резко обернулась и увидела, что к ним приближается фигура в капюшоне.

— Так, так, так. Что у нас тут? — девушка обошла вокруг Хэсины. — Мне нравится этот льняной рюцонь. Очень похож на тот, что носят простолюдинки. А ты... — Она откинула полу мантии Цайяня и нахмурилась, увидев под ней простой ханьфу. — Вот так ты пытаешься выдать себя за девятнадцатилетнего юнца, который вышел поразвлечься? Решил притвориться школяром, у которого закончились последние деньги?

Цайянь поправил мантию.

— Мы направляемся в музыкальный дом.

Девушка положила руку на бедро.

— Ты, кажется, сказал «в бордель»?

— Я не говорил ничего подобного.

— Я готова поклясться...

— Мне казалось, — сквозь зубы процедила Хэсина, оправившись от шока и бросив на Цайяня свирепый взгляд, — что ты обещал никому ничего не рассказывать.

Цайянь, в свою очередь, бросил свирепый взгляд на девушку, прятавшуюся под капюшоном.

— Ты обещала, что не пойдешь за нами, если я расскажу тебе.

— Нельзя было ей верить! — воскликнула Хэсина, и Цайянь потер переносицу.

— Я знаю, миледи. Простите меня.

— Не сердись, На-На. — Девушка опустила капюшон и поправила косички. Они были заколоты